ПОКЛИН

СТИХОТВОРЕНІЯ

1886-1888

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324285 6

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/novyiastikhotvor00krko

264и/67

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

К. Р.

1886—1888.

С.-Петербургъ.
1889.

LIBRARY
JUL 27 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Января 1889 г.

PG
3467
K56N6

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1886.

*
* *

Когда, провидя близкую разлуку,
Душа болитъ уныньемъ и тоской,—
Я говорю, тебѣ сжимая руку:
Христосъ съ тобой!

Когда въ избыткѣ счастья неземнаго
Забьется сердце радостью порой,
Тогда тебѣ я повторяю снова:
Христосъ съ тобой!

А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владѣютъ робкою душой,
Тогда тебѣ твержу я въ утѣшенье:
Христосъ съ тобой!

*

Любя, надѣясь, кротко и смиренно
Свершай, о другъ! ты этотъ путь земной
И вѣруй, что всегда и неизмѣнно
Христосъ съ тобой.

С.-Петербургъ.
7 Января.

1886.

Ужь скоро стаетъ снѣгъ и понесутся льдины (*)
Вдоль по теченію освобожденныхъ струй—
И вновь слетитъ весна въ расцвѣтшія долины
И подаритъ землѣ свой первый поцѣлуй.
А перелетныхъ птицъ ликующая стая
Вернется поглядѣть на вешніе цвѣты,
И солнце загоритъ, восторженно блистая,
Надъ этимъ праздникомъ чудесной красоты.

(*) Написано къ состязанію «Измайловскихъ Досуговъ» на тему стихотворенія А. Н. Майкова:

«Надъ необъятною пустыней океана».

Какъ много свѣжести, тепла, благоуханья,
Какъ много свѣта намъ несетъ съ собой весна!
Какъ много счастья въ ней, любви, очарованья!
Какъ упоительна, какъ хороша она!

Но всѣмъ-ли принесетъ она однѣ услады,
Одно веселіе, надежды и цвѣты?
Но всѣ-ли будемъ мы такъ искренно ей рады,
И сбудутся-ли всѣ завѣтныя мечты?
— Когда дары своей кошницы благовонной
Рукою щедрою посыплетъ намъ весна,
Быть можетъ, кто нибудь найдется обдѣленный
И незамѣченный? Бездольнаго она
Своими теплыми не озаритъ лучами,
Ему плѣнительной улыбки не пошлетъ
И, осыпая всѣхъ душистыми цвѣтами,
Вдаль отъ забытаго направитъ свой полетъ.
Быть можетъ, какъ мечта, какъ звукъ неуловимый,
Какъ лучезарный сонъ, безпечна, молода,

Въ избыткѣ юности она промчится мимо,
Не вѣдая его!
О, пусть же и тогда
Не молвитъ онъ вослѣдъ ей злобнаго укора
И, горькую печаль глубоко затая,
Пусть не кидаетъ онъ завистливаго взора
Ея избранникамъ и баловнямъ ея.
О, пусть не выдаетъ души своей страданья
Онъ ни единою напрасною слезой,
Чтобъ не смутить ничѣмъ все это ликованье,—
И радость, и восторгъ, навѣянный весной.

С.-Петербургъ.
30 Апрѣля.

*
* *

Помнишь-ли ты, какъ бродили мы пò полю
Въ жаркій, безоблачный день?
Къ стройному сѣли съ тобою мы тополю
Рядомъ, въ душистую тѣнь.

Помнишь, смѣясь, я твои слушалъ жалобы
На утомленье и зной;
Ты говорила, что вѣкъ отдыхала-бы
Здѣсь, въ этой травкѣ густой.

Строгими я отвѣчалъ наставленьями:
— Пò полю праздно бродить
Легче, чѣмъ съ горемъ, съ бѣдой, съ огорченьями
Жизнь трудовую прожить.

1886.

Годы промчались съ тѣхъ поръ вереницею—
Намъ ихъ вернуть не дано!
Поле теперь колосится пшеницею,
Тополь нашъ срубленъ давно.

Солнце тебя не пугаетъ горючее,
Ты не устанешь въ пути:
Ты терпѣливо глубокое, жгучее
Горе умѣешь нести.

И ни одной не проронишь ты жалобы
На злополучье свое,
Передъ которымъ давно задрожало-бы
Слабое сердце мое.

— О, подѣлись этой волею гордою,
Мужествомъ этимъ со мной,
Чтобы пройти я могъ поступью твердою
Поприще жизни земной.

Если-жь смутятъ меня міра бездушнаго
Горе, бѣда и напасть—
То пристыди ты меня малодушнаго,
Духомъ готоваго пасть.

Павловскъ.
3 Сентября.

МОЛИТВА.

Научи меня, Боже, любить
Всѣмъ умомъ Тебя, всѣмъ помышленьемъ,
Чтобъ и душу Тебѣ посвятить
И всю жизнь съ каждымъ сердца біеньемъ.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердую волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всѣхъ, которыхъ пришелъ искупить
Ты своею Пречистою Кровью—
Безкорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Павловскъ.
4 Сентября.

*
* *

Когда съ зарей надъ сонною землею
Забрежжитъ лучъ небеснаго огня,
Я начинаю новый день мольбою:
Благослови меня!

Лишь только вечеръ, тихо догорая,
Подернетъ сумракомъ сіянье дня,
Я говорю тебѣ, о дорогая:
Благослови меня!

И если знаешь ты, мой ангелъ милый,
Какъ дорога молитва мнѣ твоя,
То и всегда, всю жизнь и до могилы
Благословляй меня!

Павловскъ.
4 Сентября.

*
* *

Садикъ запущенный, садикъ заглохшій,—
Старенькій, сѣренькій домъ;
Дворикъ заросшій, прудокъ пересохшій—
Ветхія службы кругомъ.

Нѣсколько шаткихъ ступеней крылечка,
Стекла цвѣтныя въ дверяхъ;
Лавки вдоль стѣнъ, изразцовая печка
Въ низенькихъ, темныхъ сѣняхъ.

Въ комнатѣ стулья съ обивкой сафьянной,
Образъ съ лампадкой въ углу,
Книги на полкахъ, каминъ, фортепьяно,
Мягкій коверъ на полу . . . .

1886.

Въ комнатѣ этой и зиму, и лѣто
Столько цвѣтовъ на окнѣ . . . .
—Какъ мнѣ знакомо и мило все это,
Какъ это дорого мнѣ!

—Юныя грезы! счастливыя встрѣчи
Въ полѣ и въ мракѣ лѣсномъ . . . .
Подъ вечеръ долгія, тихія рѣчи
Рядомъ, за чайнымъ столомъ . . . .

Годы минувшіе, лучшіе годы,
Чуждые смутъ и тревогъ!
Ясные дни тишины и свободы!
Мирный, родной уголокъ!

—Нынѣ-жь одно только нà сердцѣ бремя
Незамѣнимыхъ потерь . . . .
Гдѣ это доброе старое время?
Гдѣ это счастье теперь?

Павловскъ.
13 Сентября.

*
* *

Пронеслись мимолетныя грезы!
Беззаботные минули дни!
—Словно осенью листья березы
Незамѣтно умчались они.

Все, что горькаго въ прошломъ прожито
Наболѣвшей душою моей,
Хоть на мигъ было мной позабыто
Среди этихъ безоблачныхъ дней . . . .

Но конецъ пышноцвѣтному лѣту,
Ужь грозитъ намъ сѣдая зима,
И на смѣну и зною, и свѣту
Наступаютъ и стужа, и тьма.

Принимайся-жь опять за работу
И за подвигъ берись трудовой:
Будь готовъ и печаль, и заботу
Снова встрѣтить отважной душой.

Павловскъ.
2 Октября.

РОЗЫ (*).

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Намъ незнакомы были бури,—
Безпечны были мы съ тобой.
Для насъ цвѣты благоухали,
Луна сіяла только намъ,
Лишь мнѣ съ тобою по ночамъ
Пѣлъ соловей свои печали.
—Въ тѣ беззаботные года
Не знали мы житейской прозы;
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи были розы!

(*) Написано къ состязанію «Измайловскихъ Досуговъ» на тему изъ Стихотвореній въ прозѣ И. С. Тургенева:
«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!»

То время минуло давно . . . .
— Извѣдавъ бѣды и печали,
Мы много скорби повстрѣчали;
Но унывать, мой другъ, грѣшно:
Взгляни, какъ Божій міръ прекрасенъ;
Небесный сводъ глубокъ и чистъ,
Нашъ садъ такъ зеленъ и душистъ,
И теплый день, и тихъ, и ясенъ,
Пахнулъ въ растворенную дверь;
Въ цвѣтахъ росы сіяютъ слезы . . . .
Какъ хороши теперь,
Какъ свѣжи эти розы!

За все, что выстрадали мы,
Повѣрь, воздастся намъ сторицей.
Дни пронесутся вереницей,
И послѣ сумрачной зимы
Опять въ расцвѣтшія долины
Слетитъ счастливая весна;

Засвѣтитъ кроткая луна;
Польется рокотъ соловьиный—
И отдохнемъ мы отъ труда,
Вернутся радости и грезы:
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи будутъ розы!

С.-Петербургъ.
9 Декабря.

*

1887.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСЕНКА.

Спи въ колыбели нарядной,
Весь въ кружевахъ и шелку,
Спи, мой сынокъ, ненаглядный,
Въ тепломъ своемъ уголку.

Въ тихомъ безмолвіи ночи
Съ образа, въ грусти святой,
Божіей Матери очи
Кротко слѣдятъ за тобой.

Сколько участья во взорѣ
Этихъ печальныхъ очей!
Словно имъ вѣдомо горе
Будущей жизни твоей.

1887.

Быстро крылатое время!
Часъ неизбѣжный пробьетъ!
Примешь ты тяжкое бремя
Горя, труда и заботъ.

Будь-же ты вѣренъ преданьямъ
Доброй, простой старины;
Будь-же всегда упованьемъ
Нашей родной стороны.

Съ вѣрою твердой, слѣпою,
Честно живи ты свой вѣкъ.
Сердцемъ, умомъ и душою
Русскій ты будь человѣкъ.

Пусть тебѣ въ годы сомнѣнья,
Въ пору тревогъ и невзгодъ,
Служитъ примѣромъ терпѣнья
Нашъ православный народъ.

—Спи-же! Еще не настали
Годы смятеній и бурь;
Спи-же, не зная печали,—
Глазки, малютка, зажмурь . . . .

Тускло мерцаетъ лампадка
Передъ иконой святой . . . .
Спи-же безпечно и сладко,—
Спи, мой сынокъ, дорогой!

С.-Петербургъ.
4 Марта.

НА СТРАСТНОЙ НЕДѢЛѢ.

Женихъ въ полуночи грядетъ!
Но гдѣ-же рабъ Его блаженный,
Кого Онъ бдящаго найдетъ?
И кто съ лампадою возженной
На брачный пиръ войдетъ за Нимъ?
Въ комъ свѣта тьма не поглотила?

О, да исправится, какъ дымъ
Благоуханнаго кадила
Моя молитва предъ Тобой!
Я съ безутѣшною тоской
Въ слезахъ взираю издалека
И своего не смѣю ока
Воздѣть къ чертогу Твоему.
Гдѣ одѣяніе возьму?

О Боже! просвѣти одежду
Души истерзанной моей,
Дай на спасенье мнѣ надежду
Во дни святыхъ Твоихъ Страстей
Услышь, Господь, мои моленья
И тайной вечери Твоей,
И всечестнаго омовенья
Прими причастника меня.
Врагамъ не выдамъ тайны я,
Воспомянуть не дамъ Іуду
Тебѣ въ лобзаніи моемъ,—
Но за разбойникомъ я буду
Передъ святымъ Твоимъ крестомъ
Взывать колѣнопреклоненный:
О помяни, Творецъ вселенной,
Меня во царствіи Твоемъ!

С.-Петербургъ.
Страстная Среда.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Измученный въ жизни тревоги и золъ,
Опять, моя радость, я душу отвелъ
Съ тобою:

И нà сердцѣ вновь и свѣтло, и тепло,
Какъ будто-бы жаркое солнце взошло
Весною.

Оно растопило и льды, и снѣга,
И пышно опять запестрѣли луга
Цвѣтами;

И синія блещутъ опять небеса,
Крылатыми вновь огласились лѣса
Пѣвцами . . . .

—Спасибо, о солнце! Спасибо твоимъ
Лучамъ свѣтозарнымъ, лучамъ золотымъ
И зною.

Тебѣ-жь моя радость, сказать я пришелъ
Спасибо за то, что я душу отвелъ
Съ тобою!

Павловскъ.
10 Августа.

* *
*

Озеро свѣтлое, озеро чистое,
Гладь, тишина и покой!
Солнце горячее, солнце лучистое —
Надъ голубою волной!

О! еслибъ сердце тревожное, бурное
Такъ-же могло быть свѣтло,
Какъ это озеро въ утро лазурное,
Только что солнце взошло!

Фридрихсгафенъ.
27 Октября.

*
* *

Твоей любуясь красотой
И взоромъ ласково-стыдливымъ,
Пять свѣтлыхъ дней провелъ съ тобой
Я въ упоеніи счастливомъ.

Прошли тѣ радостные дни,
Какъ все проходитъ въ мірѣ этомъ,
Но вѣрь, не могутъ быть они
Забыты любящимъ поэтомъ.

Твой образъ въ памяти моей
Запечатлѣлся такъ глубоко,
Что, вѣрь мнѣ, послѣ многихъ дней,
Скитаясь долго и далеко,

Его я вспомню! — И опять,
Какъ звѣзды неба въ мракѣ ночи,
Твои задумчивыя очи
Мнѣ будутъ издали сіять.

Шверинъ.
10 Октября.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Громъ затихъ. Умчались тучи,
Бурю вѣтромъ унесло;
Снова блещетъ полдень жгучій,—
Въ небѣ ясно и свѣтло.

Въ садъ скорѣе! Потѣнистѣй
Мы дорожку изберемъ;
Зелень здѣсь еще душистѣй
Теплымъ вспрыснута дождемъ.

Хорошо намъ здѣсь на волѣ
И такъ дышется легко!
Посмотри, какъ это поле
Разостлалось широко.

Здѣсь зеленый всходитъ колосъ
Средь раздольной ширины . . . .
—Слышишь: жаворонка голосъ
Льется съ синей вышины.

Въ той дали голубоватой
Ослѣпленный тонетъ взоръ . . . .
—Такъ и тянетъ насъ куда-то
Въ тотъ заманчивый просторъ!

Альтенбургъ.
16 Октября.

КОЛОКОЛА.

Несется благовѣстъ . . . — Какъ грустно и уныло
На сторонѣ чужой звучатъ колокола.
Опять припомнился мнѣ край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

*

Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной,
И словно слышится мнѣ нашего села
Знакомый благовѣстъ . . . И ласково, и нѣжно
Съ далекой родины гудятъ колокола.

Штутгартъ.
20 Октября.

*
* *

Ты въ жизни скорби и мученій
Не избалована судьбой,
И много бѣдъ и огорченій
Уже испытано тобой.

Душою кроткой и смиренной
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви
Переносила неизмѣнно
Ты всѣ страданія свои.

Своимъ безропотнымъ терпѣньемъ
Ты скорбь умѣла побороть,
Пріемля все съ благоговѣньемъ,
Что посылалъ тебѣ Господь.

О вѣрь! сторицею съ годами
Вознаградится этотъ трудъ:
—Не всѣ-ль, кто сѣяли слезами,
Святою радостью пожнутъ?

Штутгартъ.
25 Октября.

*

Сперва, обуянный гордыней слѣпою,
Себя одного лишь любя,
Твоей не плѣняясь душевной красою,
Цѣнить не умѣлъ я тебя.

Но гордое сердце смирилося нынѣ,
Повязка упала съ очей, —
И набожно я покланяюсь святынѣ
Души несравненной твоей.

Лейпцигъ.
24 Ноября.

*
* *

Когда меня волной холодной
Объемлетъ міра суета —
Звѣздой мнѣ служатъ путеводной
Любовь и красота.

О, никогда я не нарушу
Однажды данный имъ обѣтъ:
Любовь мнѣ согрѣваетъ душу,
Она мнѣ жизнь и свѣтъ.

Не зная устали, ни лѣни,
Отважно къ цѣли я святой
Стремлюсь, чтобъ преклонить колѣни
Предъ вѣчной красотой.

Берлинъ.
5 Декабря.

1888.

*
* *

Не говори, что къ небесамъ
Твоя молитва недоходна:
Вѣрь, какъ душистый ѳиміамъ,
Она Создателю угодна.

Когда ты молишься, не трать
Излишнихъ словъ; но всей душою
Старайся съ вѣрой сознавать,
Что слышитъ Онъ, что Онъ съ тобою.

Что для Него слова?—О чемъ,
Счастливый сердцемъ иль скорбящій
Ты ни помыслилъ-бы,—о томъ
Ужель не вѣдаетъ Всезрящій?

Любовь къ Творцу въ душѣ твоей
Горѣла-бъ только неизмѣнно,
Какъ предъ иконою священной
Лампады теплится елей.

С.-Петербургъ.
25 Января.

*

Прошла зима! Не видно снѣга,
Запѣли птицы съ высоты . . . .
—Что за чарующая нѣга
Кругомъ разлита!—Это ты,
Весны желанная примѣта!
Теченьемъ льдины унесло
И въ этотъ ясный часъ разсвѣта
Благоуханно и тепло!
Весна! Въ душѣ стихаютъ бури,
Какъ въ небѣ таютъ облака.
Весна! Душа полна лазури,
Какъ эта тихая рѣка.

С.-Петербургъ
11 Апрѣля.

*
* *

Меня бранятъ, когда жалѣю
Я причиняющихъ печаль
Мнѣ безсердечностью своею;
Меня бранятъ, когда мнѣ жаль
Того, кто въ слабости невольной
Иль въ заблужденьѣ согрѣшитъ . . . .
Хоть и обидно мнѣ, и больно,—
Но пусть никто не говоритъ,
Что сѣмя доброе безсильно
Взойти добромъ; что только зло
На нивѣ жатвою обильной
Намъ въ назиданіе взошло.

Больнѣй внимать такимъ сужденьямъ,
Чѣмъ грусть и скорбь сносить отъ тѣхъ,

Кому мгновеннымъ увлеченьемъ
Случится впасть въ ничтожный грѣхъ.
Не всѣ-ль виновны мы во многомъ,
Не всѣ-ли братья о Христѣ?
Не всѣ-ли грѣшны передъ Богомъ,
За насъ распятымъ на крестѣ?

С.-Петербургъ.
1 Мая.

ПОЭТУ (*).

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.
Пушкинъ.

Пусть гордый умъ вѣщаетъ міру,
Что все незримое — лишь сонъ,
Пусть знанья молится кумиру
И лишь науки чтитъ законъ.

Но ты, поэтъ! вѣрь въ жизнь иную, —
Тебѣ небесъ открыта дверь;
Вѣрь въ силу творчества живую,
Во все несбыточное вѣрь!

(*) Написано къ состязанію «Измайловскихъ Досуговъ».

Лишь тѣмъ, что свято, безупречно,
Что полно чистой красоты,
Лишь тѣмъ, что свѣтитъ правдой вѣчной,
Пѣвецъ, плѣняться долженъ ты.

Любовь — твое да будетъ знанье:
Проникнись ей — и пѣснь твоя
Въ себѣ включитъ и все страданье,
И все блаженство бытія.

С.-Петербургъ.
5 Мая.

СИРЕНЬ.

Сирень распустилась у двери твоей
И лиловыми манитъ кистями:
О выйди! Опять любоваться мы ей
Восхищенными будемъ глазами.

Смотри: гнутся вѣтви всѣ въ пышномъ цвѣту,—
Какъ обильны онѣ и пушисты!
Не долго глядѣть намъ на ихъ красоту
И вдыхать этотъ запахъ душистый.

Весна промелькнетъ словно шаткая тѣнь,
Какъ во снѣ пронесется крылатомъ...
Скорѣй! наглядимся-жь на эту сирень
И упьемся ея ароматомъ.

Красное Село.
6 Іюня.

*

Вчера соловьи голосистые
Запѣли порою ночной,
И тополя листья душистые
Шептались во снѣ межъ собой.

Съ зарею встрѣчаясь малиновой
Другая заря занялась . . . .
Съ тобою за рощей осиновой
Въ полночный мы встрѣтились часъ.

Напрасно тропинкой знакомою
Ты шла на свиданье со мной:
Я сладкой объятый истомою
Не могъ любоваться тобой.

Любуясь той ночью единою,
Я молча и млѣлъ, и дрожалъ;
За пѣснью слѣдя соловьиною,
Я тополей запахъ вдыхалъ.

—О вешняя ночь благовонная!
Я понялъ волшебный твой свѣтъ:
Земля, въ это небо влюбленная,
Ему свой являла расцвѣтъ.

Красное Село.
8 Іюня.

ИЗЪ СЮЛЛИ ПРЮДОММА.

О! еслибъ знали вы, какъ больно
Жить безъ подруги одному—
То къ дому подошли-бъ невольно
Вы моему.

И знали-бъ вы, что взоромъ сладко
Вамъ утѣшать меня дано,
Вы заглянули-бы украдкой
Ко мнѣ въ окно.

Когда-бы знали вы, какъ много
Я въ жизни выстрадалъ своей,
Тогда вы сѣли-бъ у порога
Моихъ дверей.

А знали-бъ вы, что васъ люблю я,
Какъ никому васъ не любить—
Зашли-бы, счастье мнѣ даруя,
Вы можетъ быть.

Красное Село.
14 Іюня.

На балконѣ, цвѣтущей весною,
Какъ запѣли въ садахъ соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя въ кроткія очи твои.

Тихій голосъ въ ушахъ раздавался,—
Но твоихъ я не слушалъ рѣчей:
Я какъ будто мечтой погружался
Въ глубину этихъ мягкихъ очей.

Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живетъ въ задушевныхъ мечтахъ—
Все сказалось такъ просто и ясно
Мнѣ въ чарующихъ этихъ очахъ.

Не могли-бы ихъ тайнаго смысла
Никакія слова превозмочь . . . .
—Словно ночь надо мною нависла,
Свѣтозарная, вешняя ночь!

Красное Село.
15 Іюня.

ВЪ ДОЖДЬ.

Дождь по листамъ шелеститъ.
Зноемъ томящійся садъ
Жажду теперь утолитъ;
Слаще цвѣтовъ ароматъ.

Другъ! не страшись. Погляди:
Грозъ не боятся цвѣты,
Чуя, какъ эти дожди
Нужны для ихъ красоты.

Съ ними и я не боюсь:
Радость мы встрѣтимъ опять . . .
Можно-ль нашъ тѣсный союзъ
Жизненнымъ грозамъ порвать?

Счастье не полно безъ слезъ;
Небо синѣй изъ-за тучъ—
Лишь-бы блисталъ среди грозъ
Солнышка радостный лучъ.

Красное Село.
4 Іюля.

ЛѢТОМЪ.

Давно черемуха завяла,
И на сирени средь садовъ
Ужь не качались опахала
Благоухающихъ цвѣтовъ.

По длиннымъ жердямъ хмель зеленый
Вился высокою стѣной,
И рдѣли пышные піоны,
Нагнувшись низко надъ травой.

Глядѣлись звѣзды золотыя
Въ струи прозрачныя рѣки,
И словно очи голубыя
Во ржи синѣли васильки.

Мы дождались средины лѣта,—
Но вешнихъ дней мнѣ было жаль,
И съ этой радостью расцвѣта
Прокралась въ душу мнѣ печаль.

Лишиться вновь мнѣ страшно стало
Всего, чѣмъ жизнь такъ хороша,
Чего такъ долго сердце ждало,
Чего такъ жаждала душа!

Красное Село.
14 Іюля.

О, не гляди мнѣ въ глаза такъ пытливо!
Другъ, не заглядывай въ душу мою,
Силясь постигнуть все то, что ревниво,
Робко и бережно въ ней я таю.

Есть непонятныя чувства: словами
Выразить ихъ не сумѣлъ-бы языкъ;
Только и властны онѣ такъ надъ нами
Тѣмъ, что ихъ тайну никто не постигъ.

О, не гнѣвись-же, когда предъ тобою
Очи потупивъ, уста я сомкну:
—Прячетъ и небо за тучи порою
Чистой лазури своей глубину.

Красное Село.
17 Іюля.

Es lebe die Liebe!

***

Говорятъ мнѣ:—«собою владѣть ты умѣй,
«Научиться пора хладнокровью;
«Надо сдержаннѣй быть; ты не мало людей
«Необдуманной сгубишь любовью....»

Но любовь удержать развѣ властна душа,
Какъ добычу орелъ въ сильныхъ лапахъ?
Нѣтъ! цвѣтамъ, благовоньемъ весеннимъ дыша,
Не сдержать упоительный запахъ.

Коль любить, такъ безумствуя въ страсти слѣпой,
—Въ этомъ бредѣ безсиленъ разсудокъ....
Знать-ли солнцу, что имъ съ вышины голубой
Спалена красота незабудокъ?

Красное Село.
19 Іюля.

ВЪ НОЧИ.

I.

Звѣзды.

Истомленные дня суетою безумной
Къ вамъ, о свѣточи неба, подъемлемъ мы очи:
Здѣсь внизу на землѣ и тревожно, и шумно,—
Безмятежно и тихо въ безмолвіи ночи.

Какъ вы кротко царите въ торжественномъ блескѣ,
Безтѣлесною вѣчно сіяя красою!
Наша ложь, наша злоба въ неистовомъ плескѣ
Никогда не коснутся васъ мутной волною.

И чѣмъ выше вы, звѣзды, чѣмъ вы недоступнѣй,
Тѣмъ плѣненнымъ слѣдить васъ отраднѣе взоромъ;
Чѣмъ мрачнѣй, чѣмъ ничтожнѣе мы и преступнѣй,
Тѣмъ свѣтлѣй вы и чище огнистымъ узоромъ.

Павловскъ.
15 Августа.

II.

Мѣсяцъ.

Пусть мрачна наша ночь, пусть темно въ дольнемъ мірѣ,
—Унывать-ли, когда мы полны упованья,
Что всплыветъ величаво въ лазурномъ эѳирѣ
Свѣтлый мѣсяцъ въ чарующей славѣ сіянья.

Лишь прольетъ онъ лучи,—въ этотъ мигъ просвѣтлѣнья
Все стихаетъ, что мучитъ, гнететъ и тревожитъ,
И душа, разгораясь, полна умиленья,
И мятежное сердце томиться не можетъ.

О, свѣти-же намъ, мѣсяцъ, небеснымъ привѣтомъ,
Чтобы чаще къ тебѣ поднималися очи.
Жизнь яснѣе, твоимъ осіянная свѣтомъ,
Хоть и мраченъ нашъ міръ, хоть темны наши ночи . . . .

Павловскъ.
9 Сентября.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Что тебѣ на прощанье скажу я?
Предъ разлукой нѣмѣетъ языкъ,
И, безмолвный, грустя и тоскуя,
Я опять головою поникъ.

Но какъ темная ночь минетъ горе,—
Надо-жь радости солнцу блеснуть!
— Не прощаемся-ль мы, чтобы вскорѣ
Повстрѣчаться опять гдѣ нибудь?

Провожая тебя, въ часъ прощанья
Я промолвлю лишь слово одно:
Это слово мое: до свиданья!
Насъ обоихъ утѣшитъ оно.

Павловскъ.
24 Сентября.

ГЕКЗАМЕТРЫ.

I.

Любо глядѣть на тебя, черноокій привѣтливый отрокъ,
Въ ясное утро, когда ты дискомъ играешь блестящимъ.
Спину согнувъ, опершись въ колѣно лѣвой рукою,
Правою ловко ты кругъ увѣсистый бросишь далеко.
Если-жь никто съ тобой не сравнится въ умѣньѣ, и дискъ твой,
Съ мѣднымъ звономъ въ плиту ударясь, всѣхъ мимо промчится,—
Стройно ты выпрямишь станъ, задорно голову вскинешь,
Кудри встряхнешь и такимъ заразительнымъ смѣхомъ зальешься;—

Въ душу твой просится смѣхъ, и думаю я въ восхищеньѣ:
Какъ хороша ты, о жизнь! О юность, какъ ты прекрасна.

Петергофъ.
20 Іюня.

II.

Счастье-жь твоимъ голубямъ! ты снова въ дверяхъ показалась
Съ пестрой корзиной въ рукахъ, зерномъ наполненной крупнымъ.
Всѣ встрепенулись они, всѣ вдругъ надъ тобой закружились,
Близко усѣлись къ тебѣ и, нѣжно ласкаясь, воркуютъ.
Голуби всюду: въ самой корзинѣ надъ лакомымъ кормомъ,
Тѣ на плечахъ у тебя довѣрчиво такъ пріютились,
Эти у ногъ и клюютъ на порогѣ упавшія зерна.
— О, не спѣшите вспорхнуть! Побудьте здѣсь, кроткія птицы!

Дайте завидовать мнѣ вашей близости къ дѣвѣ прекрасной,
Дайте хоть издали мнѣ на нее любоваться подолѣ!

Красное Село.
22 Іюня.

III.

Завтра вотъ эти стихи тебѣ показать принесу я.
—Сядемъ мы рядомъ; опять разовью завѣтный я свитокъ;
Голову нѣжно ко мнѣ на плечо ты снова приклонишь,
Почеркъ затѣйливый мой на свиткѣ съ трудомъ разбирая.
Съ робостью тайной въ душѣ и трепетомъ сладкимъ объятый,
Взора не смѣя поднять на тебя, притаивши дыханье,
Буду безмолвно внимать; угадывать буду стараться
Все, что въ этихъ стихахъ ты осудишь и все, что похвалишь.

—Каждую темную мысль, неловкое слово, неровность
Голоса звукъ оттѣнитъ, невольное выдастъ движенье.
Если-жь все до конца дочитаешь ты безъ запинки,—
Въ очи тебѣ загляну я и въ нихъ приговоръ прочитаю.
Ласковой, ясной меня озаришь ты быть можетъ улыбкой . . . .
Мнѣ-ль благодарнымъ не быть вдохновенью за эту улыбку!
О! еслибъ только оно меня осѣняло почаще!

Красное Село.
26 Іюня.

СЕВАСТІАНЪ-МУЧЕНИКЪ.

СТРОФЫ.

Посвященіе.

Тебѣ, тебѣ, мой ангелъ нѣжный,
Я посвящаю этотъ трудъ;
О пусть любовно и прилежно
Твои глаза его прочтутъ.

Ты мнѣ внушила эти строки,
Онѣ тобой вдохновлены:
Пускай-же будутъ въ край далекій
Онѣ къ тебѣ унесены.

И если грудь заноетъ больно
Тоской по нашей сторонѣ,
Пускай тогда онѣ невольно
Тебѣ напомнятъ обо мнѣ.

И пусть хоть тѣмъ тебѣ поможетъ
Тотъ, кто всегда и всюду твой,
Кто позабыть тебя не можетъ,
И чья душа полна тобой.

СЕВАСТІАНЪ-МУЧЕНИКЪ.

Претерпѣвый же до конца той спасется. (Матѳ. XXVI, 13).

I.

Въ Римѣ праздникъ. Рыщутъ колесницы,
Топотъ, стукъ колесъ по мостовой,
Ржанье, свистъ бича и крикъ возницы
Въ гулъ слилися. Къ форуму толпой
Повалилъ народъ. Снуютъ носилки,
Пыль клубится облакомъ густымъ;
Фыркаетъ, храпитъ и рвется пылкій
Конь подъ всадникомъ лихимъ.

II.

Въ честь богини зеленью, цвѣтами
Убранъ былъ Венеры пышный храмъ;
Отъ курильницъ синими клубами
Возносился легкій ѳиміамъ.

Въ наготѣ божественнаго тѣла,
Фидія рукою создана,
Въ благовонномъ сумракѣ бѣлѣла
Олимпійская жена.

III.

Совершая жертвоприношенье
Цезарь самъ стоялъ предъ алтаремъ,
И жрецы въ нѣмомъ благоговѣньѣ
Съ утварью тѣснилися кругомъ.
Всѣ во прахъ повергнулись толпою,
Преклонился самъ Максиміанъ—
Не поникъ отважной головою
Лишь одинъ Севастіанъ.

IV.

Засверкали цезаревы очи
И зловѣщимъ вспыхнули огнемъ,
Внѣ себя онъ сталъ мрачнѣе ночи
Искаженнымъ яростью лицомъ:

«Ты-ль не хочешь чтить моей святыни,
«Возмущая наше торжество!
«Ты-ль, трибунъ мой, дерзкою гордыней
«Оскорбляешь божество!»

V.

И безстрашно, твердо и спокойно
Отвѣчалъ ему Севастіанъ:
«Человѣку, цезарь, недостойно
«Почитать бездушный истуканъ.
«Правды нѣтъ въ твоей безумной вѣрѣ,
«Ваши боги —лживая мечта.
«Не могу я кланяться Венерѣ,
«Исповѣдуя Христа!

VI.

«Онъ мой Богъ! Его святою кровью
«Грѣшный міръ искупленъ и спасенъ;
«Лишь Ему съ надеждой и любовью
«Я молюсь колѣнопреклоненъ.

«Небеса Онъ создалъ, создалъ землю,
«Создалъ все, что дышетъ и живетъ.
«Лишь Его велѣніямъ я внемлю—
«Онъ мнѣ помощь и оплотъ!»

VII.

Неподвижно, въ трепетномъ молчаньѣ,
Царедворцы робкою толпой
Роковое слушали признанье,
Изумляясь дерзости такой.
Обезумѣлъ цезарь, злобы полный,
Ярый гнѣвъ уста его сковалъ,
И смятеннымъ ликторамъ безмолвно
Онъ трибуна указалъ.

VIII.

Вмигъ вокругъ него живой стѣною
Ихъ сомкнулись тѣсные ряды;
Повлекли они его съ собою
Въ гору, въ Палатинскіе сады.

Нумидійской цезаревой стражѣ
Сдали тамъ съ рукъ нà руки его . . .
И покорно сталъ отъ злобы вражьей
Онъ конца ждать своего.

IX.

Гаснетъ алый западъ, догорая
Въ небесахъ багряною зарей;
Быстро тѣнь надвинулась густая,
И звѣзда зажглася за звѣздой.
Ужь померкло небо голубое,
Тихо все... Уснулъ великій Римъ;
И въ нѣмомъ, задумчивомъ покоѣ
Ночь спустилася надъ нимъ.

X.

Ужь во власти тихаго Морфея,
Подъ его чарующимъ крыломъ
Все, въ дремотѣ сладкой цѣпенѣя,
Позабылось безмятежнымъ сномъ.

Лишь къ стволу привязанъ кипариса,
Молодой трибунъ-христіанинъ,
Тамъ, въ саду цвѣтущемъ Адониса,
Въ эту ночь не спитъ одинъ.

XI.

А кругомъ на храмы, на чертоги
Налегла таинственная тьма;
Сторожатъ изваянные боги
Рощи Палатинскаго холма;
Сладко въ нихъ цвѣты благоухаютъ,
Водометы плещутъ и журчатъ
И росою свѣжей орошаютъ
Мраморъ царственныхъ палатъ.

XII.

Полночь дышетъ влажною прохладой....
У стѣны на каменномъ полу
Стража крѣпко спитъ подъ колоннадой.
Догорѣвъ, костеръ дымитъ въ углу;

Пламя, вспыхнувъ, озаритъ порою
То карнизъ, то вазу, то плиту,
И, кружася, искры надъ золою
Съ трескомъ гаснутъ на лету.

XIII.

И задумчивъ узникъ одинокій,
Кроткихъ глазъ не сводитъ онъ съ костра:
Скоро мракъ разсѣется глубокій,
Минетъ ночь—не долго до утра.
Заблеститъ востокъ воспламененный,
Брызнутъ солнца первые лучи
И разбудятъ этотъ городъ сонный,—
И проснутся палачи.

XIV.

На него они наложатъ руки,
Истерзаютъ молодую грудь,
И настанетъ часъ предсмертной муки,
И оконченъ будетъ жизни путь.

Словно искра, въ мракѣ исчезая,
Тамъ, надъ этимъ тлѣющимъ костромъ,
Жизнь его, какъ утро молодая,
Въ мигъ одинъ угаснетъ въ немъ.

XV.

Но ни жизни, полной юной силы,
Ни даровъ земныхъ ему не жаль,
Не страшитъ его порогъ могилы;
Отчего-жь гнететъ его печаль?
Отчего заныла грудь тоскою?
Отчего смутилось сердце въ немъ?
Иль ослабъ онъ бодрою душою
Предъ мучительнымъ концомъ.

XVI.

Не его-ли пламеннымъ желаньемъ
Было встрѣтить доблестный конецъ,
Радость вѣчную купить страданьемъ
И стяжать мученія вѣнецъ?

Не мечталъ-ли дни онъ молодые
Положить къ подножію Креста
И, какъ тѣ избранники святые,
Пасть за Господа Христа?

XVII.

Но они не вѣдали печали;
Не въ тиши безмолвной и глухой,—
Посреди арены умирали
Предъ ликующей они толпой.
Нѣтъ, въ душѣ ихъ не было кручины,
Погибать отраднѣй было имъ:
Въ Колизеѣ славной ихъ кончины
Былъ свидѣтель—цѣлый Римъ.

XVIII.

Можетъ быть, звучали въ утѣшенье
Имъ слова напутствія друзей,
Ихъ молитвы, ихъ благословенья;
Можетъ быть, межъ сотнями очей

*

Взоръ они знакомый различали,
Иль привѣтъ шептавшія уста;
Мужества, дивясь, имъ придавали
Сами недруги Христа.

XIX.

А ему досталась доля злая
Позабытымъ здѣсь, въ глуши нѣмой,
Одиноко, въ мукахъ замирая,
Изнывать предсмертною тоской.
Никого въ послѣднее мгновенье
Не увидитъ онъ, кто сердцу милъ,
Кто-бъ его изъ міра слезъ и тлѣнья
Взоромъ въ вѣчность проводилъ.

XX.

А межъ тѣмъ надъ спящею столицей,
Совершая путь обычный свой,
Безмятежно мѣсяцъ блѣднолицый
Ужь плыветъ по выси голубой.

Просіяла полночь; мракъ рѣдѣетъ,
Всюду розлитъ серебристый свѣтъ,
И земля волшебнымъ блескомъ рдѣетъ
Небу чистому въ отвѣтъ.

XXI.

Тамъ бѣлѣетъ храмъ Капитолійскій,
Древній форумъ стелется подъ нимъ;
Здѣсь колонны, арки, обелиски
Облиты сіяньемъ голубымъ;
Колизей возносится безмолвный,
А вдали, извилистой каймой
Тибра мутныя струятся волны
За Тарпейскою скалой.

XXII.

И любуясь дивною картиной,
Позабылся узникъ молодой;
Ужь теперь не горемъ, не кручиной—
Сердце полно сладкой тишиной.

Пріутихло жгучее страданье,
И въ душѣ сомнѣнье улеглось:
Этой ночи кроткое сіянье
Словно въ грудь ему влилось.

XXIII.

Примиренный съ темною судьбою
Вспоминаетъ онъ былые дни:
Беззаботной, ясной чередою
Пронеслись на сѣверѣ они.
Видитъ онъ зеленыя равнины,
Гдѣ блестятъ сквозь утренній туманъ
Альпъ далекихъ снѣжныя вершины,—
Видитъ свой Медіоланъ,

XXIV.

Видитъ домъ родной съ тѣнистымъ садомъ,
Рощи, гладь прозрачную озеръ
И себя, ребенкомъ малымъ, рядомъ
Съ матерью; ея онъ видитъ взоръ,

На него такъ нѣжно устремленный...
Какъ у ней былъ счастливъ онъ тогда,
Этимъ милымъ взоромъ осѣненный,
Въ тѣ безпечные года!

XXV.

Отъ нея услышалъ онъ впервые
Про Того, Кто въ міръ тоски и слезъ
Намъ любви ученія святыя
И грѣховъ прощеніе принесъ;
Кто подъ знойнымъ небомъ Галилеи
Претерпѣлъ и скорбь, и нищету,
И Кого Пилатъ и фарисеи
Пригвоздили ко кресту.

XXVI.

Но года промчалися стрѣлою...
—Дѣтства дней счастливыхъ не вернуть!—
Онъ разстался съ домомъ и семьею,
Передъ нимъ иной открылся путь:

Онъ, покорный долгу, въ легіоны
Подъ знамена бранныя вступилъ
И свой мечъ, отвагой закаленный,
Вражьей кровью обагрилъ.

XXVII.

—Бой кипѣлъ на западѣ далекомъ:
Тамъ съ врагами Рима воевалъ
Юный вождь.—Ревнивымъ цезарь окомъ
На побѣдный лавръ его взиралъ.—
Противъ Франковъ, въ войскѣ Константина,
Острыхъ стрѣлъ и копій не боясь,
Севастьянъ и съ нимъ его дружина
Храбро билися не разъ.

XXVIII.

Но и въ грозный часъ кровавой битвы,
Поминая матери завѣтъ,
Благодатной силою молитвы
Соблюдалъ онъ въ сердцѣ миръ и свѣтъ.

Бодрый духъ его не устрашали
Зной и стужа, раны и нужда;
Онъ сносилъ безъ жалобъ, безъ печали
Тягость ратнаго труда.

XXIX.

И властямъ всегда во всемъ послушный,
Онъ жалѣлъ подвластныхъ и щадилъ;
Съ ними онъ, доступный, благодушный,
И печаль, и радости дѣлилъ.
Кто былъ горемъ лютымъ, иль несчастьемъ,
Или злой невзгодой удрученъ,—
Шелъ къ нему—и всякаго съ участьемъ
Принималъ центуріонъ.

XXX.

И зато съ любовью безпримѣрной
Подчинялись воины ему,
Зная, что своей дружины вѣрной
Онъ не дастъ въ обиду никому,

И вездѣ, изъ всѣхъ центурій стана,
И въ бою, и въ пору мирныхъ дней
Отличалась сотня Севастьяна
Ратной доблестью своей.

XXXI.

И привязанъ былъ онъ къ этой сотнѣ
Всѣми силами души своей;
Въ ней послѣднимъ ратникомъ охотнѣй
Былъ-бы онъ, чѣмъ первымъ изъ вождей
Всѣхъ когортъ и легіоновъ Рима.
Не желалъ онъ участи иной,
Не была душа его палима
Властолюбія мечтой.

XXXII.

Въ бранномъ станѣ, въ Галліи далекой
Скромный дорогъ былъ ему удѣлъ,
И его на блескъ и санъ высокій
Промѣнять-бы онъ не захотѣлъ.

Почесть съ властью или роскошь съ силой,
Или всѣ сокровища земли
Никогда ему той сотни милой
Замѣнить-бы не могли.

XXXIII.

Что людьми зовется верхомъ счастья,—
То считалъ тяжелымъ игомъ онъ.
Но увы! непрошенною властью
Слишкомъ рано былъ онъ облеченъ.
О, какою горькою кручиной
Сердце въ немъ исполнилось, когда
Съ этой храброй доблестной дружиной
Онъ разстался навсегда.

XXXIV.

Никогда доселѣ сердцемъ юнымъ
Ни тщеславенъ не былъ онъ, ни гордъ
У преторіанцевъ ставъ трибуномъ,
Во главѣ блестящихъ ихъ когортъ,

Онъ остался воиномъ смиреннымъ,
Ни наградъ не ждавшимъ, ни похвалъ
И горя̀ усердьемъ неизмѣннымъ
Честно долгъ свой исполнялъ.

XXXV.

Но душѣ его прямой и нѣжной
Чуждъ былъ этотъ гордый, пышный Римъ,
Этотъ Римъ порочный и мятежный,
Съ ханжествомъ, съ безвѣріемъ своимъ
Утопавшій въ нѣгѣ сладострастной,
Пресыщенный праздной суетой,
Этотъ душный Римъ съ подобострастной
Развращенною толпой.

XXXVI.

Здѣсь, въ тревожной суетной столицѣ,
Окруженъ неправдою и зломъ,
Какъ въ глухой, удушливой темницѣ
Изнывалъ онъ сердцемъ и умомъ.

Полнъ отваги, мужества и рвенья,
До конца готовый претерпѣть,
Жаждалъ онъ скорѣй принять мученья
И за вѣру умереть.

XXXVII.

И пришла пора освобожденья:
Только ночь прожить еще одну
И настанетъ часъ успокоенья.
Съ упованьемъ глядя въ вышину,
Онъ привѣтъ читаетъ въ блескѣ ночи:
Звѣздъ лучи, пронизывая тьму,
Съ голубыхъ небесъ, какъ Божьи очи
Свѣтятъ радостно ему.

XXXVIII.

Небо залито лазурью нѣжной,
Закатился мѣсяцъ въ облака;
Медленно, неслышно, безмятежно
Уплываетъ ночь.—Вотъ, вѣтерка

Предразсвѣтная прохлада вѣетъ,
Край небесъ, свѣтлѣя и горя,
Заалѣлъ съ востока... Тьма рѣдѣетъ—
И зардѣлася заря.

XXXIX.

Узникъ видитъ утра пробужденье,
Свѣтомъ солнца обдало его,
И за день послѣдняго мученья
Онъ прославилъ Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тѣло обнажили;
Высоко надъ головой

XL.

Подняли безпомощныя руки,
Притянули къ дереву плотнѣй...
Лютыя принять готовый муки,
Въ ожиданьѣ участи своей,

Онъ стоялъ живой предъ ними цѣлью
Въ аломъ блескѣ утреннихъ лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидійскихъ палачей.

XLI.

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
Все земное мученикъ забылъ;
Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньѣ,
Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
Передъ нимъ отверзлись двери рая;
Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

XLII.

И не видѣлъ узникъ Нумидійца
Съ длиннымъ лукомъ, съ стрѣлами его;
Въ забытьѣ не видѣлъ, какъ убійца
Долго, долго цѣлился въ него,

Тетива какъ дрогнула тугая,
Не видалъ, какъ спущена была
И какъ мчалась, воздухъ разсѣкая,
Смертоносная стрѣла.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко въ нагую грудь впилось,
Въ ней отъ боли сердце задрожало,
И очнулся онъ отъ свѣтлыхъ грезъ.
Шумный говоръ, крики, взрывы смѣха
Услыхалъ онъ, мукою томимъ:
Звѣрская, кровавая потѣха
По душѣ пришлася имъ.

XLIV.

Чередуясь, каждый въ нетерпѣньѣ
Въ грудь стрѣлу спѣшилъ ему послать,
Чтобы силу, ловкость и умѣнье
Надъ безсильной жертвой показать.

И стрѣла вонзалась за стрѣлою . . . .
Онъ терпѣлъ съ молитвой на устахъ;
Кровь изъ жгучихъ ранъ лилась струею,
И мутилося въ глазахъ.

XLV.

Ужь сознанье гасло и блѣднѣло,
И молитвъ мѣшалися слова;
На рукахъ безъ чувствъ повисло тѣло,
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабыя колѣни . . . .
Въ область тьмы, забвенія и сна
Погрузился духъ . . . . Земныхъ мученій
Чашу онъ испилъ до дна.

XLVI.

А честное мученика тѣло,
Брошено руками палачей,
Скоро-бъ незарытое истлѣло
Подъ огнемъ полуденныхъ лучей,

Гдѣ-нибудь во рву, иль ямѣ смрадной,
Гдѣ-бы хищный звѣрь, въ ночную тьму,
Обглодалъ его, гдѣ-бъ коршунъ жадный
Очи выклевалъ ему.

XLVII.

Ужь его отъ дерева поспѣшно
Отвязать мучители хотятъ . . . .
Той порою, плача неутѣшно
Двѣ жены прокрались тайно въ садъ.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются изъ очей:
Имъ въ отвѣтъ звучатъ однѣ угрозы
Съ бранью злобной палачей.

XLVIII.

Жены имъ дрожащими руками
Сыплютъ деньги . . . . Шумный споръ возникъ,
Зазвенѣло злато . . . . Межъ стрѣлками
Завязалась драка; слышенъ крикъ . . . .

А онѣ страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полныя печали,
Унесли его съ собой . . . .

I.

Римъ ликуетъ. Зрителей безъ счета
Ужь съ утра стеклося въ Колизей:
Христіанамъ вновь грозитъ охота—
Подъ ареной слышенъ вой звѣрей.
И до зрѣлищъ жадный, въ нетерпѣньѣ,
Ожидаетъ цезаря народъ . . . .
Вдругъ раздались клики въ отдаленьѣ:
«Тише, тише! онъ идетъ!»

II.

Распахнулась дверь. Цвѣтовъ кошницы
Высоко держа надъ головой,
Дѣвъ прекрасныхъ сходятъ вереницы
Межъ колоннъ по лѣстницѣ крутой.

Изъ дворца идутъ онѣ какъ тѣни,
Устланъ путь узорчатымъ ковромъ;
Ихъ цвѣты на гладкія ступени
Пестрымъ сыплются дождемъ.

III.

Движется дружина за дружиной:
Здѣсь и Дакъ косматый, и Сарматъ,
Здѣсь и Скиѳъ подъ шкурою звѣриной.
Блещутъ мѣдь, желѣзо и булатъ,
Рогъ и трубы воздухъ оглашаютъ,
И проходятъ пращники, стрѣлки;
Серебромъ и золотомъ сіяютъ
Стражи цезарской полки.

IV.

Свищутъ флейты и гремятъ цѣвницы,
Скачетъ шутъ и вертится плясунъ.
Вотъ пѣвцовъ проходятъ вереницы
И подъ звуки сладкогласныхъ струнъ

Воспѣваютъ въ пѣснѣ величавой
Вѣчный Римъ съ владыками его,
Ихъ полки, увѣнчанные славой,
И знаменъ ихъ торжество.

V.

Звонкихъ лиръ бряцанье заглушаетъ
Грохотъ бубновъ и кимваловъ звонъ.
Горделиво цезарь выступаетъ,
Облеченный въ пурпуръ и виссонъ.
Скиптръ его изъ драгоцѣнной кости
И орломъ украшенъ золотымъ;
Дорогой вѣнецъ на длинной трости
Черный рабъ несетъ надъ нимъ.

VI.

Вдругъ кимвалы стихли, смолкли бубны,
И застылъ киѳаръ и гуслей звукъ,
Въ отдаленьѣ замеръ голосъ трубный,
Все кругомъ недвижно стало вдругъ.

Цѣпенѣя въ ужасѣ безмѣрномъ,
Цезарь глазъ не сводитъ со стѣны
И къ стѣнѣ той въ страхѣ суевѣрномъ
Взоры всѣхъ устремлены.

VII.

Тамъ въ окнѣ, надъ мраморною аркой,
Между двухъ порфировыхъ колоннъ,
Полосою свѣта облитъ яркой,
Полунагъ, израненъ, изможденъ,
Словно призракъ, иль жилецъ загробный,
Отстрадавшій юноша предсталъ.
Красотой небесной, безподобной
Ясный взоръ его сіялъ;

VIII.

Волоса на плечи упадали
Золотистой, шелковой волной,
Кроткій ликъ, исполненный печали
Выражалъ величье и покой;

Блѣдны были впалыя ланиты,
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Какъ печать на немъ легла.

IX.

Посреди молчанья гробоваго
Онъ, вздохнувъ, отверзъ уста свои;
Полилось восторженное слово,
Какъ потока вешнія струи:
«Цезарь! о возьми меня съ собою!
«Въ Колизеѣ ждетъ тебя народъ . . . .
«Христіанъ замученныхъ тобою
«Кровь на небо вопіетъ.

X.

«Ужь песокъ арены звѣрь взрываетъ . . . .
«Медлишь ты, блѣднѣешь и дрожишь!
«Иль тебя то зрѣлище пугаетъ?
«Что-жь смущенъ ты, цезарь, и молчишь?

«Содрогнешься-ль ты передъ страданьемъ?
«Иль твой слухъ еще не пріученъ
«Къ дѣтскимъ крикамъ, къ воплямъ и стенаньямъ
«Старцевъ, юношей и женъ?

XI.

«Мало-ль ихъ, смерть лютую пріявшихъ!
«Мало-ль ихъ истерзанныхъ тобой!
«Одного изъ тѣхъ перестрадавшихъ
«Нынѣ видишь ты передъ собой.
«Эта грудь — одна сплошная рана,
«Вотъ моя кровавая броня!
«Узнаешь-ли ты Севастіана?
«Узнаешь-ли ты меня?

XII.

«Но сильнѣй любовь и милосердье
«Жала стрѣлъ убійственныхъ твоихъ:
«Я уходъ, заботу и усердье
«Близь твоихъ чертоговъ золотыхъ,

«Подъ одною кровлею съ тобою
«Находилъ у праведныхъ людей;
«Я ихъ доброй, ласковой семьею
«Отъ руки спасенъ твоей.

XIII.

«О, какъ тяжко было пробужденье
«Послѣ казни той, когда я ждалъ,
«Что очнуся въ небѣ чрезъ мгновенье,
«Осушивъ страданія фіалъ.
«Но не могъ разстаться я съ землею,
«Исцѣлѣла немощная плоть,
«И ожившимъ, цезарь, предъ тобою
«Мнѣ предстать судилъ Господь.

XIV.

«Страха чуждъ, тебѣ отдавшись въ руки,
«Я пришелъ принять двойной вѣнецъ.
«Претерпѣть опять готовъ я муки
«И отважно встрѣтить свой конецъ.

«Цезарь, тамъ, я слышу... гибнутъ братья,
«Съ ними смертью пасть хочу одной!
«Къ нимъ иду я кинуться въ объятья—
«Цезарь! я иду съ тобой!»

XV.

Недвижимо, притаивъ дыханье,
Какъ волшебнымъ скованные сномъ,
Тѣмъ словамъ, въ томительномъ молчаньѣ,
Всѣ внимали трепетно кругомъ.
Онъ умолкъ и какъ отъ грезъ очнулся
Цезарь, а за нимъ и весь народъ;
Гордый духъ въ немъ снова встрепенулся
И надъ страхомъ верхъ беретъ.

XVI.

«Надо мной ты смѣешь издѣваться,
«Или мнишь, что кары ты избѣгъ!
«Червь со львомъ дерзаетъ ли тягаться,
«Иль съ Зевесомъ смертный человѣкъ?

«Испытай же гордой головою,
«Что мой гнѣвъ громовъ небесъ грознѣй,
«И что казнь, придуманная мною,
«Когтя львинаго страшнѣй.

XVII.

«Пусть истрачены тѣ стрѣлы даромъ.
«Но палачъ мой справится съ тобой:
«Подъ тяжелымъ палицы ударомъ
«Размозжится жалкій черепъ твой.
«И погибнешь — міру въ назиданье —
«Ты за то, что велъ безумный споръ
«Съ тѣмъ, кто власть свою могучей дланью
«Надъ вселенною простеръ!»

XVIII.

Онъ шагнулъ впередъ; и всколыхалась
Словно море пестрая толпа.
Въ колоннадахъ снова пѣснь раздалась,
Свищутъ флейты и гудитъ труба,

Плясуны вновь пляшутъ по ступенямъ,
Вновь грохочутъ бубны и кимвалъ,
И вдоль лѣстницъ съ кликами и пѣньемъ
Лязгъ оружья зазвучалъ.

XIX.

Но въ послѣдній разъ борца Христова
Съ вышины послышались слова—
И мгновенно все умолкло снова,
Какъ объято силой волшебства,
Надъ нѣмой, смятенною толпою
Словно съ неба слово то гремитъ
И ее, какъ Божьею грозою
Разражаяся, громитъ:

XX.

«Ты ужели страхомъ новой казни
«Возмечталъ слугу Христа смутить?
«Воинъ твой, о цезарь, чуждъ боязни,
«Казнь одну успѣлъ я пережить,—

«Вѣрь! приму вторую также смѣло,
«Умирая съ радостью святой:
«Погубить ты властенъ это тѣло,
«Но не духъ безсмертный мой.

XXI.

—«О Господь, простившій Іудеямъ,
«На крестѣ ихъ злобою распятъ,
«Отпусти, прости моимъ злодѣямъ:
«И они не знаютъ, что творятъ.
«Пусть Христовой вѣры сѣменами
«Въ глубинѣ поляжемъ мы земли,
«Чтобъ побѣги вѣры той съ годами
«Мощнымъ деревомъ взошли.

XXII.

«Вѣрю я! Ужь время недалеко:
«Зла и лжи съ земли сбѣгаетъ тѣнь,
«Небеса зардѣлися съ востока,—
«Близокъ, близокъ правды яркій день!

«Ужь вдали стекаются дружины,
«Юный вождь свою сбираетъ рать,
«И ничѣмъ полетъ его орлиный
«Вы не сможете сдержать.

XXIII.

«Константинъ тотъ вождь непобѣдимый!
«Онъ возстанетъ Божіимъ посломъ,
«Онъ возстанетъ, Промысломъ хранимый,
«Укрѣпленный Господомъ Христомъ.
«Вижу я: въ рукѣ его державной
«Стягъ, крестомъ увѣнчанный, горитъ
«И боговъ онъ вашихъ въ битвѣ славной
«Этимъ стягомъ побѣдитъ.

XXIV.

«Тьму неправды властно расторгая,
«Словно солнце пламенной зарей,
«Засіяютъ истина святая
«И любовь надъ грѣшною землей.

«И тогда, въ день радости и мира,
«Осѣнятся знаменьемъ креста
«И воспрянутъ всѣ народы міра,
«Славя Господа Христа!»

Павловскъ.
22 Августа 1887 г.

ПОСЛАНІЯ.

НА СОВЕРШЕННОЛѢТІЕ *.

Что корабль подъ всѣми парусами,
Гавань тихую забывъ,
Уносимый буйными вѣтрами
Мчится смѣлъ и горделивъ
Въ голубомъ потѣшиться просторѣ
Съ прихотливою волной,—
Ты стремишься въ жизненное море,
Увлекаемый судьбой.
—Въ добрый часъ! Не бойся урагана,
Передъ бурей не робѣй,
Не страшись ни мели, ни тумана,
Ни обманчивыхъ зыбей.
Смѣлымъ Богъ владѣетъ: полонъ силы,
Полнъ отваги юной будь,
Не бросай надежнаго кормила
И держи прямѣе путь.

*

Чистъ душой стремись неустрашимо
Полонъ вѣры въ подвигъ свой
И борись, борись неутомимо
Съ бурной жизненной волной.

С.-Петербургъ.
1 Апрѣля 1886.

А. Н. МАЙКОВУ,

въ отвѣтъ на его письмо съ новыми стихотвореніями.

Опять твое раздалось пѣнье,
Опять звучитъ намъ пѣснь твоя!
Къ ней, очарованъ, въ восхищеньѣ
Опять прислушиваюсь я.

Забыта вновь юдоль земная,
Я будто слышу твой призывъ—
И, словно крылья расправляя,
Вмигъ встрепенувшись и оживъ,

Душа и просится, и рвется
Въ тѣ неземныя высоты,
Откуда голосъ твой несется,—
Туда, откуда манишь ты.

О пой намъ! Пой не умолкая
Съ той высоты, чтобъ и опять
Я въ этой дивной пѣснѣ рая
Могъ вдохновенье почерпать.

С.-Петербургъ.
23 Февраля 1887.

А. А. ФЕТУ.

Отважно пройдена дорога
И цѣль достигнута тобой:
Ты вѣря въ доброе и въ Бога
Свершилъ высокій подвигъ свой.

И нынѣ, слѣдомъ за тобою
Пуститься въ путь дерзаю я;
Пусть путеводною звѣздою
Сіяетъ вѣра мнѣ твоя.

А ты, испытанный годами,
Неунывающій боецъ,
Ты, убѣленный сѣдинами,
Вѣнчанный славою пѣвецъ —

Меня, взрощеннаго судьбою
Въ цвѣтахъ, и счастьѣ, и любви —
Своей дряхлѣющей рукою
На трудный путь благослови.

С.-Петербургъ.
29 Марта 1887.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ,

на 50-ти-лѣтній юбилей его писательской дѣятельности.

10 Апрѣля 1887.

Незабвенныхъ поэтовъ безсмертную лиру
Унаслѣдовалъ ты, о пѣвецъ!
Ты ревниво и свято сберегъ ее міру
И стяжалъ себѣ славы вѣнецъ.

Въ чуткихъ струнахъ будила волшебные звуки
Вдохновенная пѣсня твоя,
То врачуя сердецъ сокровенныя муки,
То веселье и радость лія.

Лишь во имя того, что свѣтло и правдиво,
Что волнуетъ восторгами грудь,
Лишь во имя добра ты всю жизнь терпѣливо
Свой тернистый прокладывалъ путь.

И за то, что завѣтъ тѣхъ пѣвцовъ незабвенныхъ
Ты исполнилъ, трудясь и любя—
Никогда въ пѣснопѣньяхъ твоихъ вдохновенныхъ
Не забудетъ отчизна тебя.

С.-Петербургъ.

НА СМЕРТЬ Г. А. А. М.

Одной прекрасною душою
Межъ нами менѣе опять,—
Она разсталася съ землею
Чтобы безсмертіе пріять.

Она изъ міра слезъ и тлѣнья
Переселилася туда,
Гдѣ ждетъ ее упокоенье
Отъ многой скорби и труда.

Но въ небесахъ не позабудетъ
Она земной юдоли сей:
За насъ, горюющихъ по ней,
Она молитвенницей будетъ.

Сарагосса.
31 Октября 1887.

ВДОВЦУ.

Блескъ и сіянье смѣнило ненастье,
Осень сгубила всѣ наши цвѣты . . . .
Гдѣ твое первое, свѣтлое счастье?
Гдѣ молодыя мечты?

Горе подкралось съ той грозною тучей:
Льются дожди,—льются слезы твои;
Ихъ проливаешь струею горючей
Ты о погибшей любви.

Плачь и рыдай, и печалься, и сѣтуй!
Но да не молвятъ хуленій уста;
Съ вѣрой изъ мрака стремися ты къ свѣту,
Бремя подъемля креста.

Минетъ зима . . . И цвѣты, и сіянье
Съ юной весною увидишь ты вновь:
— Вѣрь-же въ грядущую радость свиданья!
Вѣрь, что воскреснетъ любовь!

Штадтгагенъ.
23 Ноября 1887.

И. А. ГОНЧАРОВУ.

Вѣнчанный славою нетлѣнной,
Безсмертныхъ образовъ творецъ!
Къ тебѣ приблизиться смиренно
Дерзалъ неопытный пѣвецъ.

Ты на него взглянулъ безъ гнѣва,
Своимъ величьемъ не гордясь,
И звукамъ робкаго напѣва
Внималъ задумчиво не разъ.

Когда-жь бывали пѣсни спѣты,
Его ты кротко поучалъ;
Ему художества завѣты
И тайны вѣчныя вѣщалъ.

—И объ одномъ лишь въ умиленьѣ
Онъ нынѣ проситъ у тебя:
Прими его благодаренье,
Благословляя и любя.

Гатчина.
31 Декабря 1887.

А. Н. МАЙКОВУ,

на 50-ти-лѣтній юбилей его писательской дѣятельности.

30 Апрѣля 1888.

Твоя восторженная лира
И пѣсни чистыя твои
Намъ проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.

Ты черни вѣтренной въ угоду
Себѣ, пѣвецъ, не измѣнялъ,
Свою священную свободу
Страстямъ толпы не подчинялъ;

Ты пѣлъ въ теченіе полвѣка,
Безсмертья лаврами увитъ,
Ту пѣснь, что душу человѣка
И возвышаетъ и живитъ.

О! еслибъ струны эти пѣли
Намъ долго, долго твой завѣтъ,
Какъ несравненной долженъ цѣли
Быть вѣренъ истинный поэтъ.

С.-Петербургъ.

ЖЕНИХУ.

Ты томился всю ночь до разсвѣта,
Погруженный въ тревожные сны;
Долго, долго прождалъ ты расцвѣта
И улыбки душистой весны.

Но насталъ этотъ день свѣтозарный,
Солнце счастья взошло надъ тобой
И за яркость весны благодарный
Просіялъ ты расцвѣтшей душой.

Весь въ лучахъ, въ этотъ мигъ просвѣтлѣнья,
Въ ослѣпительномъ блескѣ зари
Ту, чья жизнь—лишь твоей отраженье,—
Ты любовью своей озари.

Чтобъ на ней все яснѣе и жарче
Разгорался твой радостный свѣтъ,
Чтобъ любви все пышнѣе и ярче
Распускался плѣнительный цвѣтъ.

С.-Петербургъ.
30 Октября 1888.

ИЗЪ ПОЛКОВОЙ ЖИЗНИ.

ВЪ ДЕЖУРНОЙ ПАЛАТКѢ.

I.

Гаснетъ день. Я сижу подъ палаткою
И гляжу, какъ гряды облаковъ
Мчатся тѣнью прозрачной и шаткою
Надъ зеленымъ просторомъ луговъ.

Пріутихли бесѣды веселыя;
Вечеръ . . . . Всѣ разбрелись на покой;
Только поступью ровной, тяжелою
Ходитъ взадъ и впередъ часовой.

И легко, и привольно такъ дышится
Послѣ долгаго, знойнаго дня;
Гдѣ-то пѣсня солдатская слышится . . . .

И сижу я одинъ безъ огня . . . .
Тихо пологъ палатки колышется . . . .
Сладкій сонъ обвѣваетъ меня . . . .

Красное Село.
14 Іюля 1886.

II.

Снова дежурю я въ этой палаткѣ;
Ходитъ, какъ въ прежніе дни часовой
Взадъ и впередъ по песчаной площадкѣ . . . .
Стелется зелень луговъ предо мной.
Здѣсь далеки мы отъ шумнаго свѣта,
Здѣсь мы не знаемъ тревожныхъ заботъ:
Жизнь наша рвеньемъ горячимъ согрѣта,
Каждый здѣсь царскую службу несетъ.

*

Вотъ отчего мнѣ такъ милы и любы
Эти стоянки подъ Краснымъ Селомъ,
Говоръ солдатскій веселый и грубый,
Шопотъ кудрявыхъ березокъ кругомъ,
Эта укромная наша палатка,
Этотъ широкій просторъ луговой . . . .
Въ лагерной жизни труда и порядка
Я молодѣю и крѣпну душой!

Красное Село.
31 Мая 1888

12 ОКТЯБРЯ 1886.

Вся семья сошлася полковая,
Привелось опять собраться намъ,
И опять братина круговая
Заходила по рукамъ.

Пьемъ мы и за Русскую Державу,
И за здравье Государя пьемъ,
И за васъ, сражавшихся на славу
Въ бой подъ Горнымъ Дубнякомъ.

—Выпьемъ-же теперь и за солдата!
Осушимъ братину за него.
Пусть и навсегда его булата
Грозно будетъ торжество!

Съ той-же доблестью непобѣдимой
Да сразится молодой солдатъ,
Какъ сразились вы неустрашимо
Девять лѣтъ тому назадъ.

С.-Петербургъ.

НА 12 ОКТЯБРЯ 1887.

Въ Измайловской семьѣ изъ круговой братины
Сегодня мнѣ испить не суждено, друзья!
—Но вѣрьте, въ этотъ день великой годовщины
И сердцемъ, и душой незримо съ вами я.

Товарищи! не всѣ-ль пылаемъ мы любовью
Ко славѣ родины и нашего полка?
Не всѣ-ль опять своей пожертвуемъ мы кровью,
Какъ десять лѣтъ назадъ въ окопахъ Дубняка?

Хотя-бы крови намъ пролить пришлося рѣки,
Ужель не постоимъ за родину свою?
—Да здравствуетъ-же полкъ Измайловскій вовѣки,
Да здравствуетъ, сплотясь въ единую семью!

Шверинъ.
7 Октября.

ПИСЬМО КЪ ТОВАРИЩУ.

Я за границей . . . . Здѣсь со мной
Любезны, ласковы, радушны—
И все-же хочется домой:
Не понутру мнѣ западъ душный.
Вдали отъ всѣхъ заботъ и дѣлъ,
Благословляя свой удѣлъ
Здѣсь можно-бъ жизнью наслаждаться;
Но не могу я дня дождаться,
Когда вернусь отсюда къ вамъ,
Къ занятьямъ, службѣ и трудамъ.
Скитаясь по чужому краю
Я отъ бездѣлія скучаю.
Мнѣ роты здѣсь недостаетъ,
Недостаетъ полка роднаго. . . .

Когда-жь желанный день придетъ,
Когда я въ ротѣ буду снова,—
Кто встрѣтитъ съ рапортомъ меня?

Жильцовъ-ли дюжій, краснощекій,
Иль ваша слабость и моя—
Самъ Добровольскій черноокій
Невозмутимый малороссъ
Несообщительный, безмолвный,
Чей нравъ противорѣчій полный
Для насъ загадочный вопросъ?
Или Якимовъ бородатый
Неповоротливый толстякъ?
Иль молодецъ щеголеватый
Лихой, воинственный Ермакъ
Съ коронацьонною медалью
И штуцерами на часахъ?
Или Рябининъ мой съ печалью
Въ большихъ задумчивыхъ глазахъ,
Съ лицомъ разумнымъ и красивымъ,
Сперва считавшійся лѣнивымъ,
Теперь-же—воинъ хоть куда,
Исправный, ревностный всегда,
Кого «ефрейторомъ гвардейскимъ»
За длинный ростъ зовутъ въ рядахъ?

Иль Фрайфельдъ съ нѣсколько еврейскимъ
Оттѣнкомъ въ рѣчи и чертахъ?

Въ ноябрьскій день холодный, мрачный
Въ казармѣ снова буду я.
Андрей Никитичъ Сагайдачный,
Цѣпочкой штуцерной звеня,
Засуетится въ коридорѣ
И въ безконечномъ разговорѣ
Подробно станетъ излагать
Свое фельдфебельское мнѣнье
О томъ, что надобно пригнать
Мундиры въ первомъ отдѣленьѣ;
Разскажетъ мнѣ, какъ дорога
Цѣна на сѣно и капусту,
И то, какъ командиръ полка
Нашелъ, что не довольно густо
Былъ сваренъ въ пятницу горохъ,
Что писарь мой по строю плохъ,
И что почаще на ученье
Портныхъ-бы надо выводить.

Онъ это все въ одно мгновенье
Мнѣ не упуститъ доложить . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . Пройду въ покой втораго взвода.
Тамъ, между оконъ, противъ входа
Святой Георгій на конѣ
Во чрево грознаго дракона
Копье вонзаетъ; та икона
Была устроена при мнѣ
Тому назадъ уже два года,
Когда во всѣ четыре взвода
Мы заводили образа.
Тутъ подлѣ взводнаго направо
Мнѣ попадется на глаза
Ефрейторъ Лейманъ, бойкій, бравый
Самарскій нѣмецъ-колонистъ;
А рядомъ вкрадчивъ и рѣчистъ
Съ всегдашней ясностью во взглядѣ
Мой Краснопѣвцевъ жалонеръ,

Который въ Ѳедровскомъ посадѣ,
Какъ говорятъ, черезъ заборъ
Перелѣзалъ ночной порою,
Чтобъ сливъ поѣсть въ чужомъ саду;
Но мы довѣрчивой душою
Не вѣримъ въ эту клевету,
И въ наступающемъ году
Нашъ Краснопѣвцевъ — будетъ взводный

И въ третій взводъ направлюсь я.
Тамъ съ виду важный и дородный
Степенный Лапинъ ждетъ меня,
А съ нимъ Бѣлинскій плутоватый
И Захарчукъ молодцеватый,
Усы потуже закрутивъ
И шапку нà бокъ заломивъ . . . .

. . . . . .

Теперь въ четвертый взводъ мнѣ съ вами
Еще осталось заглянуть.
Тамъ, широко расправя грудь

И пожирая насъ глазами,
Въ дверяхъ Хрисанѳъ Васильевъ ждетъ.
Съ нимъ на маневрахъ прошлый годъ,—
Когда подъ Павловскимъ редутомъ
Вблизи Кирхгофской высоты
Всю ночь служили намъ пріютомъ
Канавы, камни, да кусты,—
Лежалъ я рядомъ до разсвѣта.
Ахъ! ночь безоблачная эта
При лунномъ блескѣ, при звѣздахъ,
И боевая обстановка,
И непривычная ночевка
На чистомъ воздухѣ, въ поляхъ
Со взводнымъ унтеръ-офицеромъ,
И холмъ, и кирка, и редутъ
Въ туманѣ тонущіе сѣромъ
Изъ головы моей нейдутъ!
—Затѣмъ я буду межъ рядами
Искать ефрейтора глазами,
Который шьетъ мнѣ сапоги
Съ остроконечными носками;

Они неловки и узки—
Но, право, какъ-то веселѣе
Мнѣ въ этихъ ротныхъ сапогахъ.
А вотъ, сапожника лѣвѣе,
Татаринъ, ростомъ небольшой,
Красивый, дѣльный и смышленый,
Лѣвофланговый отдѣленный,
Тимаевъ бойкій и лихой.
Я помню: какъ-то на привалѣ,
—То было въ августѣ, въ началѣ,—
Когда пройдя, далекій путь,
Остановились отдохнуть
Мы въ мѣстѣ дикомъ и пустынномъ,
Онъ на арабскомъ языкѣ
Прочелъ мнѣ надпись на старинномъ
Дамаскированномъ клинкѣ.

Зайдя во всѣ покои сряду,
Вездѣ привѣтствуя людей,
За столъ съ бумагами засяду
Я въ канцеляріи моей.

И Павелъ Вальтеръ, писарь ротный,
Всегда опрятный, чистоплотный,
Читавшій Шиллера, едва-ль
Не всѣ его стихотворенья
На память знающій; за чтенье
Французской книги Germinal
Чуть не подвергнутый взысканью, —
Мнѣ дастъ бумаги подписать.
И выводя и чинъ, и званье
Своею подписью скрѣплять
Безъ счета рапорты я буду,
И кипу свѣдѣній, и груду
Различныхъ списковъ (безъ чего
Нельзя добиться ничего).

. . . . . .

Покончивъ съ этими дѣлами,
Въ казарму двери мы запремъ,
И наконецъ останусь съ вами
Я въ канцеляріи вдвоемъ;
И отводить мы душу будемъ

Въ бесѣдѣ дружеской опять
И дни разлуки позабудемъ.
Вамъ надо будетъ разсказать
Мнѣ обо всемъ, что въ ротѣ нашей
Происходило безъ меня.
Повѣрьте: не въ примѣръ мнѣ краше
Казарма милая моя,
Гдѣ рота ждетъ меня родная,
Всѣхъ здѣшнихъ зàмковъ и палатъ.
Подумайте! я, какъ солдатъ,
Послѣдній мѣсяцъ доживая
Предъ увольненіемъ въ запасъ,
Считаю, много-ль остается
Дней, что еще пробыть придется
Вдали отъ родины, отъ васъ.

Простите! Долгой болтовнею
Я вамъ, быть можетъ, надоѣлъ,
И положить пора предѣлъ
Писанью этому. Но мною
Такъ полновластно овладѣлъ

Наплывъ плѣнительныхъ мечтаній
И дорогихъ воспоминаній
Про наше ротное житье,
Что позабылъ я въ увлеченьѣ
Какъ много надо вамъ терпѣнья,
Чтобъ дочитать письмо мое.

Альтенбургъ.
15 Октября 1887.

ПИСЬМО КЪ ДЕЖУРНОМУ ПО ПОЛКУ.

По васъ, товарищи, вздыхаю
Здѣсь на чужбинѣ я опять;
Меня къ родному тянетъ краю,
Безъ службы началъ я скучать,
И надоѣлъ мнѣ путь далекій.
Чтобъ разогнать свою тоску,
Писать я вздумалъ эти строки.
Вы, какъ дежурный по полку,
Порядковъ внутреннихъ блюститель,
Офиціальное лицо
И офицерства представитель,
Мое прочтете письмецо.

Повѣрьте, право съ наслажденьемъ
Я отдежурилъ-бы за васъ!
Какимъ плѣнительнымъ мгновеньемъ
Мнѣ представляется тотъ часъ,

Когда на Троицкомъ проспектѣ
Передъ соборомъ полковымъ
Разводъ бываетъ должностнымъ
Въ полнѣйшемъ собраннымъ комплектѣ.

—«Здорово братцы!» крикнетъ имъ
Дежурный;—«Здравія желаемъ!»
Въ отвѣтъ они ему вскричатъ.
Толпой зѣвакъ сопровождаемъ,
Пойдетъ вдоль фронта онъ нарядъ
Сличить внимательно съ приказомъ
И ихъ окинуть зоркимъ глазомъ.
Тутъ съ карауломъ полковымъ
Патруль, подчаски, вѣстовые
И въ домъ Гарновскаго ночные,
И рота цѣлая съ однимъ
Изъ офицеровъ помоложе:—
Ихъ снарядятъ мгновенно въ путь,
Когда—чего избави Боже!—
Пожаръ случится гдѣ нибудь.

Всѣ на мѣстахъ; ужь все готово,
Уже часъ роспуска насталъ,—
Идетъ къ разводу генералъ.
Кричитъ и онъ свое: «Здорово!»
И на начальника привѣтъ
Обычный слышится отвѣтъ.
И противъ каждаго онъ ряда
Найдетъ замѣтить что нибудь:
Ничто отъ опытнаго взгляда
Его не можетъ ускользнуть.
Тамъ животомъ стоитъ фланговый,
Приклада тотъ не довернулъ,
А этотъ—рослый и здоровый—
Ужь слишкомъ локоть затянулъ;
Одинъ въ шинели неуклюжей,
И не застегнутъ воротникъ,
Другой еще одѣлся хуже,—
Неладно пригнанъ тамъ башлыкъ,
А здѣсь худая рукавица.
—Дежурный слушаетъ—дивится,
Какъ ни старался, ни смотрѣлъ,

Какъ ни равнялъ передъ началомъ,—
Все кой-чего не доглядѣлъ.
—Нѣмой толпой за генераломъ
Идутъ и ротные вослѣдъ,
И батальонный командиры,
Дрожа за старые мундиры,
Заботъ отеческихъ предметъ.
Какъ озабочены ихъ лица,
Какъ безпокоенъ быстрый взглядъ,
Когда погонъ или петлица
Его вниманье обратятъ.

Но все идетъ благополучно:
Нашъ генералъ сегодня тихъ,—
И всѣмъ «Спасибо!» крикнувъ звучно,
Онъ распускаетъ должностныхъ.

Теперь пожарная лишь рота
Еще ждетъ участи своей:
—Начальству, видно, не охота
Не поучивъ разстаться съ ней.

И начинается ученье:
Плечомъ заходятъ отдѣленья,
И безъ конца, за рядомъ рядъ,
Шагаетъ рота неуклонно,
Пока двухвзводною колонной
Ее построить не велятъ.
Ужь раздавалося довольно
И на плечо, и ружье вольно,
И поворотъ былъ на бѣгу . . .
—Морозомъ щиплетъ уши больно,
Дежурный зябнетъ на снѣгу.—
Но вотъ, изъ сомкнутаго строю
Велятъ заняться предъ концомъ
Еще примѣрною пальбою;
И развернувшися бѣгомъ
Побѣдоносно въ заключенье
Летитъ вся рота на ура.
—Вотъ какъ кончается ученье,
Когда обѣдать намъ пора . . . . .

И въ офицерское собранье
Теперь дежурный офицеръ
Идетъ поспѣшно, въ упованьѣ
Согрѣться чѣмъ, хоть напримѣръ
Виномъ, иль водкою перцовой.
А между тѣмъ давно въ столовой
Ужь собралися господа:
Для нихъ тактическихъ занятій
Настала злая череда.
Но вмѣсто смѣлыхъ предпріятій
На планахъ мнимой той земли,
Что Скугаревскій съ Энгельгардтомъ
Намъ на бѣду изобрѣли,—
Одни закуску предпочли,
Другіе-жь тѣшатся бильярдомъ.
Давно-бы, кажется, пора
Придти полковнику въ собранье;
—Ужь и ему-ль не въ наказанье,
Какъ намъ, военная игра?—
Но вотъ пришелъ онъ и сурово
Въ холодный танцовальный залъ

Изъ билліардной и столовой
Всѣхъ на занятія позвалъ . . . .

Часы проходятъ вереницей—
Коротокъ петербургскій день;
И незамѣтно надъ столицей
Ложится зимней ночи тѣнь.
И отъ труда уставъ дневнаго,
Вкусить и отдыхъ, и покой
Въ дежурной комнатѣ вы снова
Сойдетесь дружною семьей.
Здѣсь, одинокій, на чужбинѣ
Я слышу ваши голоса,
И вижу я: дрова въ каминѣ
Пылаютъ; свѣта полоса
Отъ лампы съ зонтикомъ упала
На столъ, гдѣ каждаго журнала
Мы представителя найдемъ.
Здѣсь, на *досугѣ*, вечеркомъ
Ведемъ мы тихія бесѣды,

Здѣсь наши радости и бѣды
Мы раздѣляемъ межъ собой . . . .

Друзья, унылою душой
Я за границею тоскую . . . .
Въ семью мнѣ хочется родную,
Въ нашъ полкъ, на родину,—домой!

Севилья.
5 Ноября 1887.

УВОЛЕНЪ.

Уволенъ! — отслужена служба солдата,
Пять лѣтъ пронеслись словно день;
По прежнему приметъ родимая хата
Его подъ радушную сѣнь.
Тамъ ждетъ не дождется жена молодая,
Тамъ ждутъ и сынишка, и мать . . . .
— Малютка-то выросъ, отца поджидая,
Пожалуй, его не узнать.
Ужь близко теперь: вотъ знакомыя нивы,
И рѣчка и жиденькій мостъ;
Вотъ церковь бѣлѣетъ, и старыя ивы
Склонились на мирный погостъ;
Вотъ избы; — все снѣгомъ пушистымъ одѣто,
Овинъ, огороды, гумно, —
И трудно повѣрить ему, что все это
Покинуто имъ такъ давно.
Какъ будто вчера лишь съ родной, дорогою
Семьей разлучали его.

Сѣдая старушка дрожащей рукою
Крестила сынка своего;
Вся блѣдная мужу повисла на шею,
Отъ слезъ надрываясь, жена:
Всего лишь два годика прожилъ онъ съ нею, —
Ужь съ нимъ разставалась она.
Покойникъ отецъ былъ испытанъ годами,
Суроваго нрава мужикъ,
Но какъ ни крѣпился — не сладилъ съ слезами,
Прощаяся съ сыномъ, старикъ.
Болѣзненно сердце заныло тоскою
У нашего парня въ груди:
Все счастье, казалось, разбито судьбою,
И горе одно впереди. . . . .

— Но въ горѣ мужаетъ душа человѣка:
Кто въ жизни бѣдой закаленъ, —
Тотъ духомъ сильнѣе. Таковъ ужь отъ вѣка
Намъ Богомъ положенъ законъ. —

Солдатомъ онъ сталъ Государевой роты
Въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ;
Сначала скучалъ безъ обычной работы,
Оторванъ отъ сельскихъ трудовъ.
И шумно, и душно казалось въ столицѣ
Ему послѣ тихихъ полей,
Гдѣ росъ на свободѣ онъ вольною птицей
На родинѣ милой своей.
И долго по ней тосковалъ онъ . . . . Но время
И молодость взяли свое —
Привыкъ — и слюбилось солдатское бремя
И новое это житье.
Товарищей добрыхъ нашлося довольно,
Такихъ-же, какъ онъ, молодцовъ,
Отъ той-же отторгнутыхъ жизни привольной,
Отъ женъ, матерей и отцовъ.
Имъ стала второю семьею та рота,
Сроднилъ межъ собою ихъ полкъ,
Одна ихъ связала другъ съ другомъ забота,
И царская служба и долгъ.

Тотъ долгъ исполняя во всемъ терпѣливо
Не ради похвалъ и наградъ,
Служилъ онъ усердно, исправно, ретиво,
Какъ служитъ нашъ русскій солдатъ.
Веселый и ревностный, бойкій, смышленый
Онъ съ честью носилъ свой мундиръ,
И вышелъ лихой изъ него отдѣленный
И взводный потомъ командиръ.

Идутъ-ли походомъ въ дни жаркаго лѣта,
И всѣ пріуныли въ пути,—
Онъ бодръ и безпеченъ, хотя-бъ на край свѣта
Еще приходилось идти.
Дожди-ли надъ лагеремъ нашимъ польются,
Тоску наводя на людей,—
Въ палаткѣ его и поютъ, и смѣются,
Хоть вымокли всѣ до костей.
Зимой, въ долгій вечеръ, въ казармѣ толпою
Солдаты его окружатъ;
Товарищамъ книжку прочесть, иль простою
Занять ихъ бесѣдой онъ радъ.

Когда-жь на покой разбредутся, то волю
Завѣтнымъ мечтамъ онъ даетъ,
Родныхъ вспоминаетъ, ихъ горькую долю —
И долго очей не сомкнетъ.
—Немного вѣстей приходило оттуда;
Писали — ужь съ годъ, — что постомъ
Въ могилу отца уложила простуда, —
И не было писемъ потомъ.
Теперь что-то сталося съ ними? Быть можетъ
Ему измѣнила жена . . . .
—И сердце тоска безотчетная гложетъ,
Душа злой кручины полна . . . .
А время летѣло; съ родными свиданья
Ужь близился радостный часъ,
Стрѣлою промчалися дни ожиданья,
И былъ онъ уволенъ въ запасъ.
—И вотъ, наконецъ онъ на родинѣ милой, —
Подходитъ къ деревнѣ родной . . . .
Забилося сердце и духъ захватило, —
Отъ радости самъ онъ не свой.

*

Вотъ съ края деревни знакомая крыша
Привѣтливо манитъ къ себѣ;
Все шибче, земли подъ ногами не слыша,
Бѣжитъ онъ къ родимой избѣ.
И все съ каждымъ шагомъ ростетъ нетерпѣнье....
Вотъ, вотъ она хата его!
—Но что это значитъ? Въ какомъ разрушеньѣ:
Дверь настежъ, внутри—никого;
Повыбиты стекла, свалились ворота....
Но что-же жены не видать?
Иль можетъ нашлась ей какая работа,
А съ ней и сынишка и мать?
И душу тревожитъ дурная примѣта . . .
Спросить-бы сосѣдей? . . но къ нимъ
Идти онъ боится, страшася отвѣта,
Предчувствіемъ смутнымъ томимъ.
Задами, послушный невѣдомой силѣ,
Онъ къ церкви неспѣшной стопой
Идетъ поклониться отцовской могилѣ
И думаетъ: тою порой
Вернутся родные....

По кладбищу бродитъ
Онъ между могилъ и крестовъ;
Легко на одномъ незнакомомъ находитъ
Онъ надпись изъ нѣсколькихъ словъ.
У самой ограды подъ старой сосною
Отецъ его былъ схороненъ.
И набожно воинъ крестяся рукою,
Кладетъ за поклономъ поклонъ.

— Другихъ два креста та сосна осѣнила
Угрюмою тѣнью своей,
И свѣжая дѣтская чья-то могила
Ютилася тутъ-же подъ ней.
Случайнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ невольно
Прочелъ имена онъ,—и вдругъ
Въ глазахъ помутилось, грудь сжалась такъ больно,
И выпала шапка изъ рукъ.
Опять, пораженный, какъ грома ударомъ,
Читаетъ тѣ надписи онъ,—

Глаза не ошиблись: на службѣ не даромъ
Онъ грамотѣ былъ обученъ.
И снова не вѣря, онъ снова читаетъ
Все тѣ-жь роковыя слова . . . .
Кручина жестокая сердце терзаетъ,
Поникла на грудь голова.
Ему тѣ надгробныя строки сказали,
Что счастье погибло навѣкъ:
Что некому высказать лютой печали,
Что лишній онъ сталъ человѣкъ,
Что тѣхъ, кто такъ дороги были и милы,
Ему не видать никогда,
Что въ мірѣ остались ему лишь могилы,
Лишь горе, да злая нужда . . .

Садилося солнце; зарею вечерней
Румяный зардѣлъ небосклонъ;
Смеркалось . . . . Ударили въ церкви къ вечернѣ,
И тихій послышался звонъ.

Лились, замирая вдали, эти звуки,
Какъ зовъ милосердый Того,
Кто далъ человѣку душевныя муки,
И въ горѣ утѣшитъ его.

Павловскъ.
10 Сентября 1888.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Лирическія стихотворенія.

1886.

Стр.

Когда, провидя близкую разлуку . . . . . 3.
Ужь скоро стаетъ снѣгъ . . . . . 5.
Помнишь-ли ты . . . . . 8.
Молитва . . . . . 11.
Когда съ зарей . . . . . 12.
Садикъ запущенный . . . . . 13.
Пронеслись мимолетныя грезы! . . . . . 15.
Розы . . . . . 17.

1887.

Колыбельная пѣсенка . . . . . 20.
На Страстной недѣлѣ . . . . . 23.
Въ альбомъ . . . . . 25.
Озеро свѣтлое . . . . . 27.
Твоей любуясь красотой . . . . . 28.
Послѣ грозы . . . . . 30.
Колокола . . . . . 32.

Стр.

Ты въ жизни скорби и мученій . . . . . 33.
Сперва обуянный гордыней . . . . . 35.
Когда меня волной холодной . . . . . 36.

1888.

Не говори, что къ небесамъ . . . . . 37.
Прошла зима . . . . . 39.
Меня бранятъ . . . . . 40.
Поэту . . . . . 42.
Сирень . . . . . 44.
Вчера соловьи . . . . . 45.
Изъ Сюлли Прюдомма . . . . . 47.
На балконѣ . . . . . 49.
Въ дождь . . . . . 51.
Лѣтомъ . . . . . 53.
О, не гляди . . . . . 55.
Говорятъ мнѣ . . . . . 56.
Въ ночи:
I. Звѣзды . . . . . 57.
II. Мѣсяцъ . . . . . 59.
Въ альбомъ . . . . . 61.

Гекзаметры.

I. Любо глядѣть на тебя . . . . . 65.
II. Счастье-жь твоимъ голубямъ . . . . 67.
III. Завтра вотъ эти стихи . . . . . 69.

Стр.

Севастіанъ мученикъ.

(Строфы) . . . . . 73.

Посланія.

На совершеннолѣтіе . . . . . 115.
А. Н. Майкову . . . . . 117.
А. А. Фету . . . . . 119.
Я. П. Полонскому . . . . . 121.
На смерть Г. А. А. М. . . . . 123.
Вдовцу . . . . . 124.
И. А. Гончарову . . . . . 126.
А. Н. Майкову . . . . . 128.
Жениху . . . . . 130.

Изъ полковой жизни.

Въ дежурной палаткѣ:

I. Гаснетъ день . . . . . 135.
II. Снова дежурю я . . . . . 137.

12 октября 1886 . . . . . 138.
На 12 октября 1887 . . . . . 140.
Письмо къ товарищу . . . . . 141.
Письмо къ дежурному по полку . . . . . 151.
Уволенъ . . . . . 159.

PG
3467
K56N6

Konstantin Konstantinovich
Novyia stikhotvoreniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 14 06 04 008 5